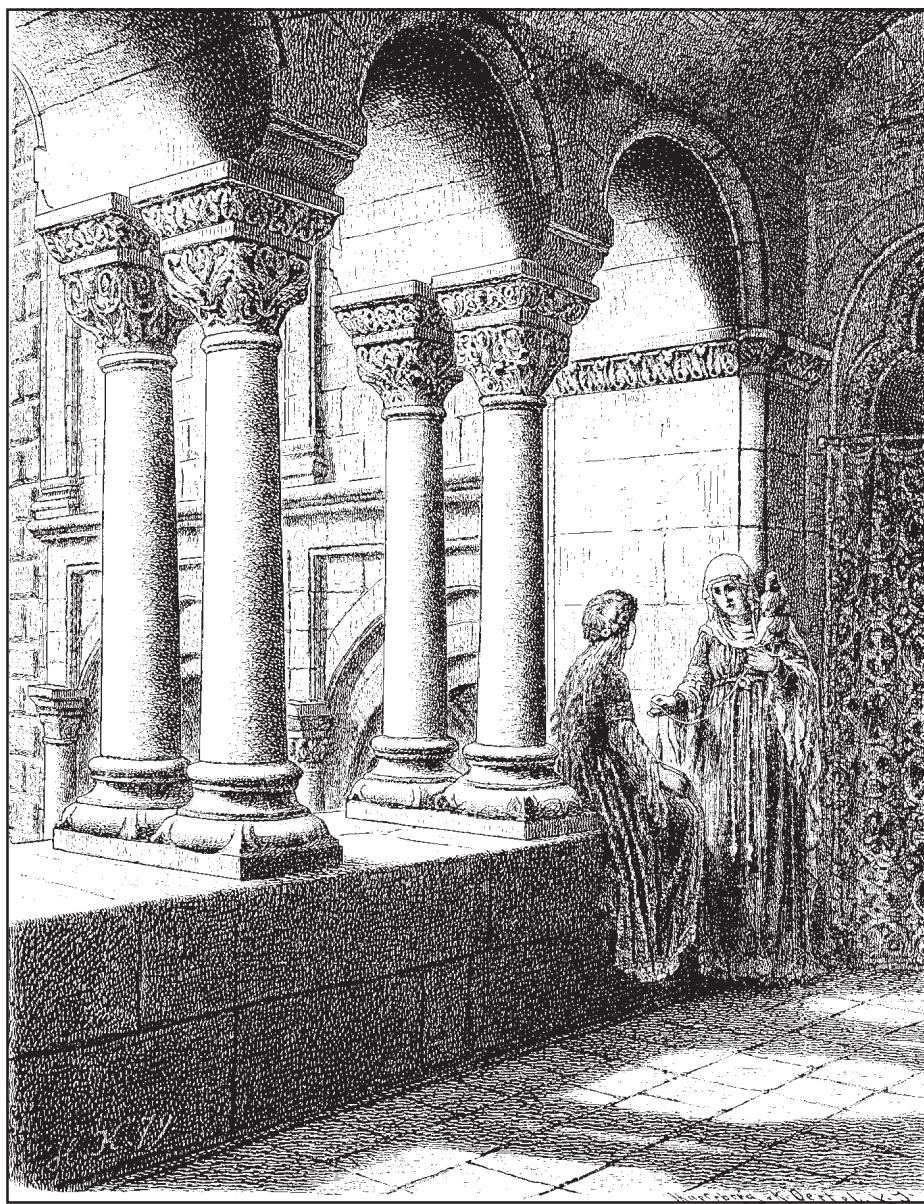

А между тем церковный раскол продолжался. В апреле 1164 г. умер Виктор IV, и Райнальд тотчас распорядился о выборе папы из его кардиналов, которые выбрали *Пасхалия III*. Все симпатии людей, строго придерживавшихся церковного начала, были на стороне Александра. Архиепископ Магдебургский предпринял странствование в Святую землю и, попав в плен туркам, дал обет — перейти на сторону папы Александра, если Богу угодно будет освободить его от турецкого плена. А между тем на вюрцбургском рейхстаге (1165 г.) Фридрих заставил всех присутствующих духовных и светских сановников обязаться клятвенно никогда никого не выбирать в папы, кроме Пасхалия, а если он умрет, кого-нибудь из его же партии, и чрезвычайно сурово поступал с теми, кто отказывался повиноваться его воле. Иные со слезами подписывали это обязательство (*juratamentum*), против своего убеждения или даже без всякого убеждения — лишь бы не лишиться коронных прав.

Тем временем Александру при помощи сицилийской партии и короля Вильгельма I удалось вернуться в Рим (в конце 1165 г.). Обстоятельства в Италии сложились так, что Фридрих снова был вынужден лично вмешаться в итальянские дела, махнув рукой на положение дел в Германии, где возрастающее могущество Генриха Льва создало против него большую коалицию духовных и светских сановников в Саксонии, т. е. в Северной Германии. Сначала архиепископ Райнальд поехал в Италию, а за ним вслед, осенью 1166 г., и сам император в четвертый раз двинулся через Альпы. Здесь, под гнетом императорских чиновников, идеи коммунальной свободы успели широко распространиться. Немцы-чиновники распоряжались здесь с беспощадной и тиранической последовательностью, на основании коронных прав вымогая у населения подати и оброк; граждане итальянских городов, скрепив союз между собой частыми съездами, пришли к убеждению, что им лучше умереть с честью, нежели жить среди такого позора. С миланскими выборными встречались выборные из Кремоны, Бергамо, Брешии, Мантуи, Феррары; и хотя на словах они оставались по-прежнему верны императору, однако же рассчитывали на восстановление Милана. Несмотря на присутствие императора, на его успехи, этот тайный союз городов очень расширился: в него вошли и Венеция, и Верона, и Пьяченца, и Болонья, и др. Они решили восстановить то положение, какое существовало со времен Генриха V и до вступления во власть Фридриха Барбароссы. Император осадил Анкону, а архиепископ Райнальд с небольшим отрядом двинулся к Риму. Встретившись со значительными силами римлян, он вынужден был укрыться в Тускуле. В лагере под Анконой стали обсуждать, не следует ли отказаться от взятия Рима вообще, и решили прежде всего выручить из опасного положения Райнальда. Но Фридрих не прекратил осаду Анконы, а только отправил на выручку Райнальду архиепископа Христиана с 500 рыцарей и 800 наемных воинов. Оба архиепископа, очевидно, были настолько же опытны в военном деле, насколько и в делах государственных. Ловко обдумав план атаки, они нанесли римскому войску, состоявшему из всякого сброва, сильнейшее поражение при Тускуле. Затем явился сам Фридрих с главными силами и ввел своего папу Пасхалия III в Рим, из которого папа Александр должен был переодетый бежать в Гаэту и

**Избрание
папой
Пасхалия III.
1165 г.**

**Четвертый
поход.
1166 г.**

Постройки в Гельнхаузене времен Барбароссы. Часть из них сохранилась, другая восстановлена Г. Кнакфусом по рисункам Гундесхагена.

затем в Беневент. Население Рима, еще раз испытавшее силу германского оружия, вынуждено было вступить в соглашение с победителем.

Но на этой опасной почве зародились иные, неожиданные бедствия. В августе вдруг разразилась страшная эпидемия и с поразительной быстротой охватила город и войско. Множество выдающихся мужей, знатнейших сановников, духовных и светских, в том числе и архиепископ Райнальд, пали жертвами страшной повальной болезни. Войско таяло на глазах вождей: «рыцари, пехотинцы, оруженосцы» — всех пожирала смерть без различия, причем, конечно, войско падало духом, т. к. в народе все открыто толковали, что болезнь послана Богом в наказание за безбожные деяния Фридриха. Фридрих вскоре совершенно обессилел. Он поспешил удалиться в верную ему Павию. Но восстание уже разгорелось всюду: федерация ломбардских городов, так называемый *Веронский союз*, стала брать город за городом, и в марте 1168 г. Фридрих вернулся в Германию с ничтожным остатком войска. Отступление его было бедственным, он должен был прибегать то к хитростям, то к безобразным жестокостям¹, чтобы избавиться от натиска врагов, преследовавших его по пятам. После удаления Фридриха Веронский союз имел полную возможность приступить к восстановлению Милана: семь лет протекло до того времени, когда Фридриху вновь удалось лично явиться в Италию.

Между тем на севере Германии по-прежнему бушевала буря, вызванная борьбой светских и духовных сановников против Генриха Льва; однако же при посредничестве короля здесь удалось установить перемирие. На рейхстаге в Бамберге он горько жаловался на эту усобицу в Саксонии, которая способствовала отпадению Ломбардии. После долгих переговоров на различных сеймах он добился, чтобы мир был восстановлен, причем Вельф ничем не поплатился. Напротив, Генрих в это время вступил в брак с особой из королевского дома — Матильдой, дочерью Генриха II, английского короля. Его мощь возросла чрезвычайно, он мог тягаться силами с самим Фридрихом. Трудно себе представить, что Фридрих не предвидел опасности, которая угрожала его собственному дому со стороны быстро возрастающей мощи одного из владетельных князей в его государстве. Он даже поспешил увеличить в Швабии владения своего дома, чтобы таким образом установить некоторое равновесие по отношению к могуществу герцога. Он закрепил за собой богатое наследство старшего Вельфа, у которого умер сын. Фридрих, более дальновидный, нежели его племянник герцог Генрих, зная, что тот постоянно нуждается в деньгах, ссудил его деньгами под залог его выморочного имущества при наследстве. Вскоре, в 1169 г., по предложению архиепископа Христиана Майнцского, четырехлетний сын императора Генрих был коронован в Аахене как его наследник. Постепенно мир опять установился в Германии в такой степени, что в 1172 г. Генрих Лев задумал по обету отправиться в Святую землю, на поклонение Гробу Господню, а Фридрих в том же году заявил на

Гибельный исход похода.

Фридрих в Германии. 1168—1175 гг.

¹ Так, он велел вешать по дороге заложников, которые находились у него при войске, показывая этим, что поступит так с остальными, если его не перестанут преследовать.

Пятый поход в Италию. 1174 г. и германские епископы были лишены важной опоры, которую находили в единой папской власти; и для них было чрезвычайно важно, чтобы раскол прекратился, они даже готовы были признать Александра, лишь бы он в свою очередь признал епископов, назначенных его противником. По этому поводу начались переговоры, но они не достигли цели, и папа Александр был вовлечен

в союз с ломбардскими городами, между тем как германские епископы были вынуждены держаться императора. Кончина Пасхалия III, императорского папы, привела к выбору нового папы, *Каликста III*, а ломбардские союзные города (союз включал в себя уже 36 городов), как бы в насмешку над императором, дали той крепости на правом берегу По, которую они выстроили в это время, в честь своего

Два серебряных брактеата Генриха Льва.

Надпись по кругу на обоих: +HEINRICVS LEO DVX.
Остальные буквы не имеют значения и использованы только ради заполнения пространства.

папы название *Алессандрии*. Эта крепость и была ближайшей целью императорских войск, когда в 1174 г. Фридрих двинул в свой пятый поход в Италию. Хотя он запасся всякими осадными орудиями того времени, однако не мог взять Алессандрию. Союзные города со своей стороны тоже собрали значительное войско, однако до генерального сражения дело не дошло. Были начаты переговоры, к участию в которых Фридрих привлек и папу Александра. Тот прислал своих трех кардиналов; император, со своей стороны, был готов на уступки, но требовал непременно срыва Алессандрии. На этом условии мир не состоялся, хоть и был уже почти заключен. А между тем затягивание войны при своеобразности немецкой военной организации для ломбардов было менее обременительно, чем для императора. Подкрепления подходили из Германии очень тяжело, и как раз в это время от него отпал могущественнейший из немецких князей, Генрих Лев, герцог Саксонский и Баварский, а подкрепления, которые привел к императору в 1176 г. архиепископ Филипп Кёльнский, были недостаточны для продолжения войны.

Битва при Лоди. 1176 г. Произошло весьма тяжкое бедствие: при *Леньяно* (между Миланом и Лоди) была дана битва, которая длилась шесть часов, и вначале перевес был на стороне германских войск, но затем натиск немцев сломился о несокрушимое сопротивление отборного ломбардского войска, а дружина ратников из Брешии неожиданно ударила немцам во фланг, и императорские войска понесли страшное поражение. Войско горожан-союзников, на стороне которого был значительный численный перевес, одержало над рыцарями победу. Победители гнались за побежденными до самых берегов Тичино, а затем вернулись на поле битвы и стали искать среди убитых тело императора. Но Фридрих был жив: с незначительной свитой ему удалось пробраться в Павию.

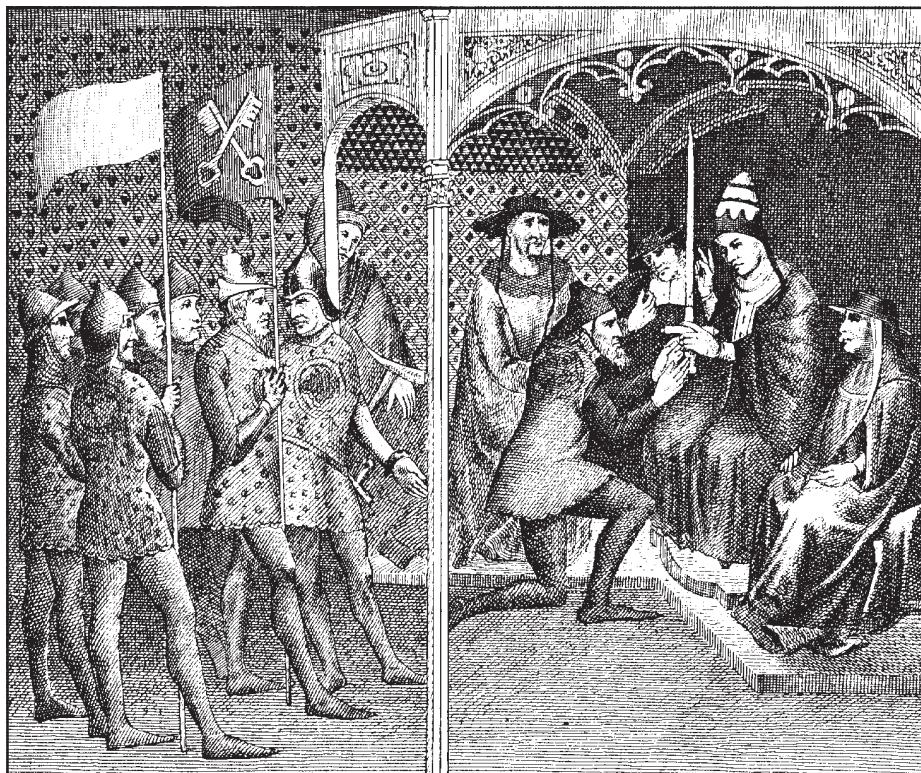
Фридрих принадлежал к числу тех государственных мужей, которые всегда умеют извлечь урок из событий и даже в превратностях судьбы не теряют способности представлять, что возможно и достижимо. Он хорошо понимал, что папа — только случайный союзник ломбардцев, что для него важнее всего восстановление мира в церкви, а этот мир без согласия с императором невозможен. С другой стороны, Фридрих прекрасно понимал, что ему следует спешить в Германию и там приняться за гораздо более важную политическую работу — борьбу против преобладания Вельфского дома. Поэтому вскоре после битвы, хотя она не вполне лишила Фридриха средств к продолжению войны, дело дошло до переговоров. Ему не удалось разъединить папу с ломбардцами, потому что тот тонко понимал политическое положение; переговоры велись с обеих сторон очень осторожно, настоящими государственными людьми, которые знали цену друг другу и верно оценивали порученные им интересы. Так постепенно все пришли к убеждению в необходимости общего мира, и конгресс для его заключения собрался в Венеции. Переговоры были продолжительны и трудны. В июле 1177 г. мир был заключен, но в виде перемирия — 6-летнего с ломбардцами, 15-летнего с королем Вильгельмом II Сицилийским (с 1166 г.). Обе стороны обещали стараться в течение перемирия заключить прочный мир. Подобное соображение повлияло и на решение вопроса о владениях Матильды, который в числе вопросов светского характера был одним из самых спорных. В конце концов император получил их в пользование на ближайшие 15 лет. Другой важный пункт — устранение церковного раскола — было уже не трудно уладить, т. к. обе стороны равно тяготились расколом. Каликст был устранен, и папа Александр — человек великодушный и неспособный к мелочной мстительности и личной вражде — обошелся с ним весьма великодушно. Отлучение от церкви, произнесенное над императором, его слугами и приверженцами, было снято. Торжественное примирение было отпраздновано в соборе святого Марка в Венеции. Папа Александр с епископами стоял перед собором в ожидании императора, который явился в сопровождении дожа и патриарха. Очевидец рас-

Конгресс
в Венеции.
1177 г.

*Рыцарь времен Гогенштауфенов в полном вооружении.
Миниатюра из генуэзской лицевой хроники XII в.*

сказывает, что «Фридрих, преклоняясь перед Богом», пал перед папой ниц, после чего Александр его тотчас поднял и дал ему «лобзание мира». Тогда они отправились в собор; император «взял папу за правую руку (так подробно был выработан церемониал!) и ввел его в божий храм, где папа и дал ему свое благословение». Затем на соборе, тесно связанном с этим празднеством, папа Алекс-

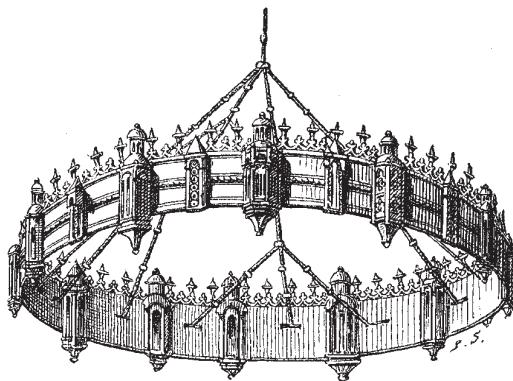

*Папа Александр III (1159–1181) вручает меч дожу Цани (1172–1178). Фреска Спинелло Спинелли (1333–1410). Сцена. Дворец коммуны.
Персонажи одеты в костюмы XIV в.*

сандр произвел необходимые новые назначения епископов и подтвердил прежние, сделанные императором. 1 августа император держал торжественную речь на соборе, в которой сообщил, что «до этого он бродил во мраке неведения, а ныне вернулся к свету истины», что он признает Александра III папою католической церкви и таким образом возвращает мир церкви, высокочтимому королю Сицилии и ломбардцам. Папа чувствовал, что ему нельзя вначале обойтись без защиты императора, а поэтому воинственный канцлер, архиепископ Христиан Майнцский, один из утвержденных папою на соборе, был оставлен Фрид-

рихом в Средней Италии. Император в 1178 г. двинулся в Бургундию и уже в начале 1179 г. собрал в Вормсе на рейхстаг немецких князей. Здесь был поднят вопрос об отношении к Генриху Льву, разрешение которого ожидалось многочисленными врагами могущественного герцога. Положение герцога было неблагоприятным: он плохо рассчитал, предположив, что император будет на долго отвлечен итальянскими делами. С герцогом было решено поступить по закону, и Фридрих, заранее предвидя, чем кончится дело, имел полную возможность выказать себя умеренным; три раза назначали герцогу день для явки и принесения оправданий, но Генрих не явился в назначенные дни, потому что не решался, или же потому, что гордость ему не дозволяла. Тогда в 1180 г. состоялся окончательный приговор на вюрцбургском рейхстаге; согласно ленному праву было установлено явное оскорбление величества, а потому у него были отобраны оба герцогства, равно как и все его коронные лены, которыми и распорядились следующим образом: Саксония была поделена между архиепископией кельнской и Бернхардом, сыном Альбрехта Медведя; Бавария отдана в руки верного слуги Фридриха, Оттона фон Виттельсбаха, в доме которого она с тех пор и осталась, за исключением Штирии, отделенной в виде герцогства.

Этот приговор суда князей мог быть приведен в исполнение не иначе как силой и после долгой войны, охватившей северо-запад Германии. Генрих вначале вел ее довольно удачно. Однако летом в тот год привел войско сам император, замки герцога в Гарцских горах сдались без особенного сопротивления, и окончательный удар был ему нанесен подчинением Любека, которому император оставил льготы и вольности неприкословенными: он остался тем же, чем предназначил ему быть Генрих, когда его основал, т. е. очагом культуры для всей окрестности, и достиг значительного процветания. Генрих слишком поздно обратился к милости императора, которой так долго пользовался; на рейхстаге в Эрфурте ему пришлось преклонить колена перед императором, и все князья выказали к нему столько ненависти и своекорыстия, что если бы даже Фридрих задумал смягчить принятые решения, князья не допустили бы этого. Во владении герцога остались только наследственные земли, составлявшие его вотчину, да еще Брауншвейг и Люнебург: сам же он должен был удалиться в изгнание и оставаться в нем до тех пор, пока его не призовет император. Герцогу не была оказана помощь и Францией, на которую он очень рассчитывал, т. к. там опасались могущества Фридриха. И вот Генрих с семейством удалился в Англию. Таким образом, значение импера-

*Люстра из собора в Аахене.
Подарена собору Фридрихом Барбароссой.*

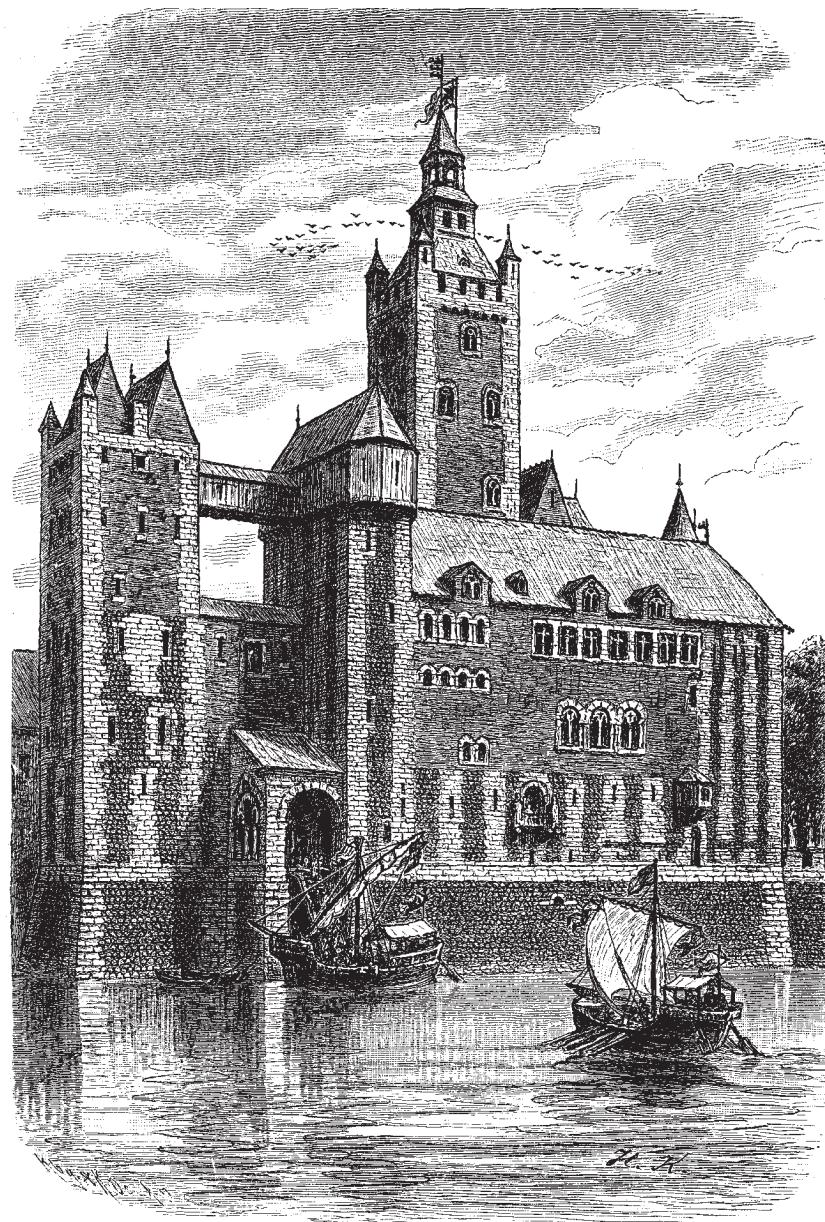
Германские дела. Падение Вельфов. 1180 г.

торской власти вновь было восстановлено, и ее пределы расширены до самого взморья, что, впрочем, вовсе не было особым счастьем для северогерманских областей, где с падением сильной герцогской власти наступило безнадежие и всякого рода неурядицы. Падением вельфского могущества особенно воспользовался датский король Вальдемар, помогавший в войне против герцога Генриха.

Констанцкий мир. 1183 г. В 1182 г. скончался папа Александр III, в следующем — архиепископ Христиан Майнцский, который, несмотря на свою духовную одежду, был скорее светским владетельным князем, нежели духовным сановником. В течение 11 лет он сумел поддерживать в Италии значение и господство империи. В год его смерти на рейхстаге в Констанце, куда собрались посольства от многих ломбардских городских общин, удалось установить прочный мир, по которому Фридрих сделал значительные уступки с государственной точки зрения новому городскому элементу, который стал мощно проявляться всюду. Хотя при этом Фридрих отказался от Ронкальских решений, однако не уронил своего высокого положения. За городами были признаны их коронные права — автономия по старым обычаям. Им было предоставлено право избирать себе городские власти, консулов, которые затем утверждались уполномоченными императора или местным епископом¹. Эти консулы избирались из тех, которые уже принесли императору присягу в верности или же должны были принести ее по своему избранию; однако же они обязаны приносить императору fodrum, когда он вступает на их территорию, принимать на себя заботы по содержанию его войск и содержать в порядке мосты и дороги; каждое десятилетие присяги (fidelitates) должны быть повторяться. Города добились выполнения только части их требований: так, коронными правами они могли пользоваться только в своих городских стенах и на территории, которая им несомненно и бесспорно принадлежала, а не на всем пространстве графства или епископства, в котором они были расположены. Таким образом, они представляли собой как бы острова, отовсюду окруженные владениями, в которых действовало императорское право, и не составляли цельного, сплоченного единства; во всем сказывалась мощь положения, которое Фридрих занял в политическом мире со временем уничтожения вельфского «государства в государстве».

Майнцский рейхстаг. 1184 г. Прежде чем Фридрих еще раз посетил умиротворенную Италию, он собрал рейхстаг в Майнце (1184 г.), сопровождавшийся празднествами, которые на долгое время остались в народной памяти: один из поэтов (Генрих фон Фельдеке), воспользовавшись яркими красками и блеском этих празднеств, создал на их основании описание свадебного торжества героев своей поэмы. Поводом к этим торжествам было «опоясанье мечом» двух сыновей императора — короля Генриха и герцога Фридриха Швабского. На эти торжества отовсюду съехалось множество знатных посетителей, отчасти по личному приглашению императора. По одному свидетельству, более 70 князей съехалось

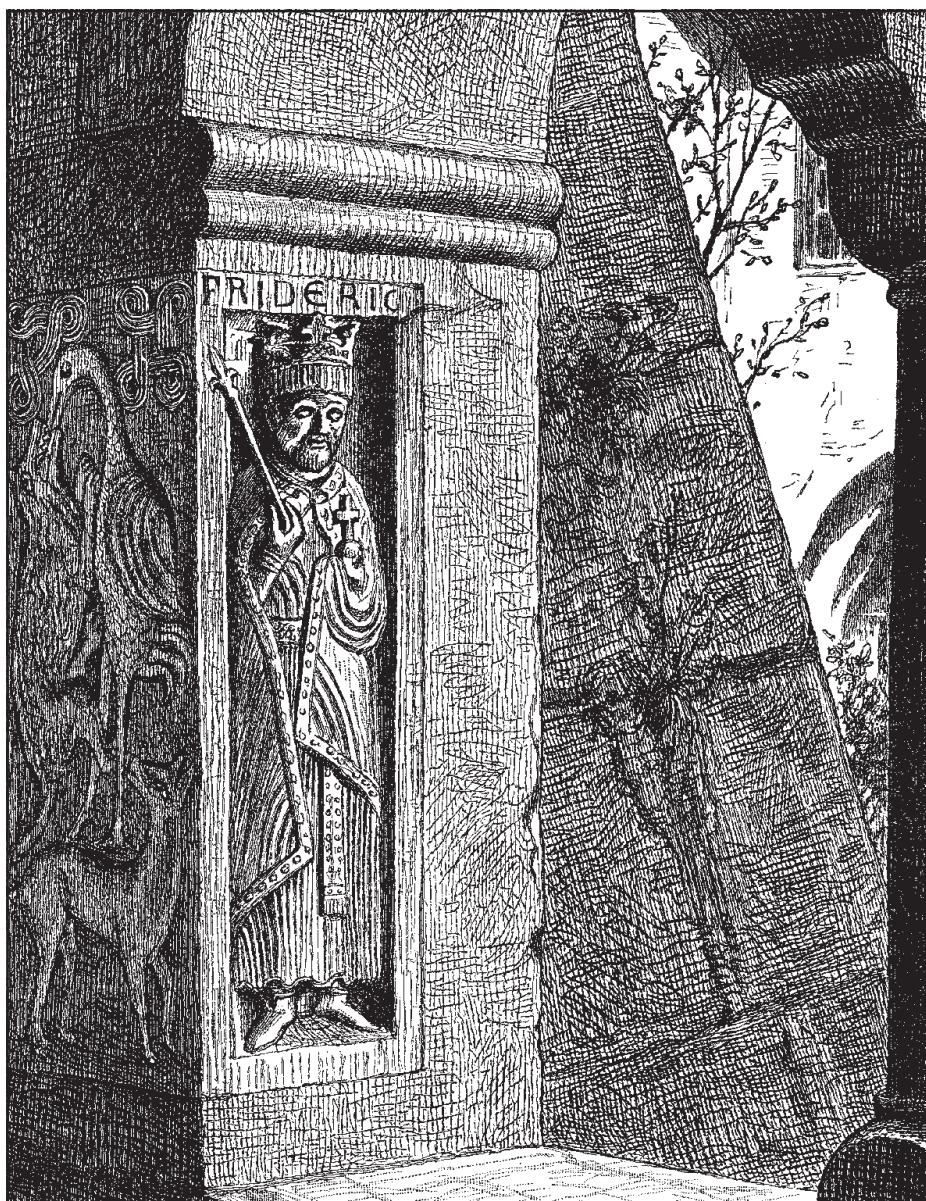
¹ В тех местностях, где епископ в силу древнего права или императорской привилегии обладал графскими правами (comitatus).

Замок Фридриха Барбароссы в Кайзерсверте на Рейне. Восстановлен в XIX в.

тогда в Майнц с соответствующей свитой. Весь остальной люд (до 70 тысяч) ютился под шатрами громадного лагеря, раскинутого за воротами города. И этот громадный съезд был привлекателен и поучителен не только для поэта, но и для историка как стройное собрание всех элементов светской, духовной и народной жизни государства, во главе которого стоит могучий правитель, равно опытный и в политике, и в воинском деле, окруженный воинственной знатью, которая несет на себе все тяготы войны, в то время как низшие слои населения заняты посильным трудом, а возникающее городское сословие уже предается оживленной промышленной и торговой деятельности.

Осенью того же 1184 г. Фридрих в шестой раз вступил на почву Италии. **Шестой поход в Италию. 1184 г.** Папа *Луций III*, подобно многим из своих предшественников, в Риме не чувствовал себя в безопасности с тех пор, как скончался грозный архиепископ Христиан Майнцский, верный слуга императора: Фридрих встретил папу уже в Вероне. Отношения их тотчас же разладились. Папа выказал себя непокладистым в церковных вопросах и в разногласиях, еще неуложенных, по поводу владений Матильды. Недовольство папы было, впрочем, вполне понятно; императору удалось сделать ловкий ход, который в значительной степени подрывал всю политику римской курии: Фридрих высовывал своему сыну Генриху наследнику Сицилийского королевства, дочь короля Рожера и тетку правившего в то время бездетного короля Вильгельма II. Следовательно, к Генриху на основании договора должны были со временем перейти и Сицилия, и Апулия, и герцогство Капуанское. Между императором и папой начались разногласия из-за церковных вопросов, касавшихся германской церкви, — и папа отказался венчать императорской короной Генриха, которого Фридрих хотел сделать своим соправителем. Свое несогласие папа мотивировал тем, что, по его мнению, непристойно было двум императорам стоять во главе Германской империи. В противоположность этому с ломбардскими городами установились отличные отношения. Миланцы испросили в виде особой милости у императора, даровавшего им многие привилегии, чтобы свадьба короля Генриха была отпразднована в их городе, что и свершилось в 1186 г. при огромном стечении гостей, съехавшихся со всей Италии, из-за Альп. Тогда папа увидел себя отовсюду окруженным обширными владениями Штауфенов; главные опоры куриальной политики, — норманнское государство и ломбардские города, — были в данную минуту в руках императора. Юный король — ему был всего 21 год, а его супруге Констанции на десять лет более — был в Милане коронован королевским венцом, как король Италии, и самим императором возвведен в цесари, т. е. в соправители, для чего содействие папы оказывалось вовсе не нужным. Это привело к еще большей натянутости отношений, которые при *Урбане III* (с 1185 г.) не улучшились — он оставался в Вероне почти в положении пленника. Генрих остался в Италии и держал в узде Тоскану, между тем как сам Фридрих вернулся в Германию, где папе и его единомышленнику архиепископу Филиппу Кёльнскому удалось создать некую оппозицию в среде епископов. С этой оппозицией Фридрих очень быстро управился: уже на ближайшем рейхстаге настроение епископов совсем изменилось, и они, к великому изумлению папы, отправили ему напоми-

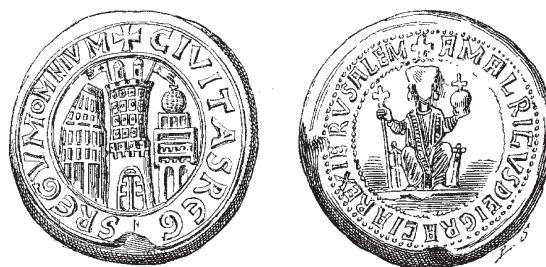

Фридрих Барбаросса. Каменный рельеф в окне. Монастырь святого Зенона, близ Рейхенгалья (Бавария).

нание (1187 г.) о необходимости примирения с императором: вскоре подчинился императору и архиепископ Кёльнский. До полного разрыва с папой у императора не дошло. Этому в значительной степени помешали печальные вести, дошедшие летом 1187 г. с Востока, а затем пришла и печальнейшая из всех: 3 октября Иерусалим вновь попал под власть неверных.

Восточные дела. Неудачный исход второго крестового похода, естественно, только ухудшил и без того плохое положение. Входит в подробности относительно этого было бы излишним: довольно будет сказать, что если и в западных странах уровень нравственности оставлял желать лучшего, то уж здесь-то, в «заморской церкви», он был еще менее утешительным. Здешнее христианское общество лицом

к лицу стояло с врагом, против которого все средства оказывались дозволены только потому, что он боролся против истинной веры: само собою разумеется, что тот, кто может ставить себе в заслугу и предательство, и коварство, и вероломство, и жестокость в борьбе с неверными, не затруднится пустить в ход все эти приемы по отношению к своим единоверцам. Таким образом, видно, что история Иерусалимского королевства переполнена всякого рода гнусностями. В 1154 г.

Оттиск печати Амори I, короля Иерусалимского (1162–1173).

РЕВЕРС (слева). В поле — главные постройки христианского Иерусалима: церковь Тимпль, башня Давида и храм Гроба Господня. АВЕРС (справа). Король в одеянии византийского типа.

Дамасский эмирят, до этого служивший христианам некоторого рода щитом, попал под власть Нур ад-Дина, который отсюда (он перенес свою резиденцию в Дамаск) стал непосредственно угрожать Антиохии и Иерусалиму. Однако же на некоторое время франкское мужество, более всего прославившееся у рыцарей орденов, остановило победы мусульманского оружия: некоторое время рыцарям удавалось действовать заодно с греческим императором Мануилом (его племянница в 1157 г. вышла замуж за Балдуина III, короля Иерусалимского), а в первые годы правления его брата и наследника Амори (1162–1173) христианам были еще поданы некоторые надежды тем расколом, который произошел в магометанском мире. Нур ад-Дин задумал покорить Египет, династия которого, Фатимиды, была слаба и притом ненавистна всем остальным правоверным как шиитская. Вместо того, чтобы поддержать Фатимидов, Амори воспользовался слабостью фатимидского султана только для того, чтобы произвести позорный хищнический набег на его владения (1167 г.). Это привело к сближению последнего из фатимидских халифов с Нур ад-Дином, который дал ему в визири своего полководца Ширкуха, а затем его племянника Салах ад-Дина, и этот-то Салах ад-Дин (или Саладин) стал править Египтом после смерти последнего Фатимида в качестве вассала или уполномоченного Нур ад-Дина. Во время всех этих событий христиане пребывали в пол-

ном спокойствии: им было достаточно, что на них никто не нападал, и, таким образом, Генриху Льву, явившемуся в Палестину с значительной свитой в 1172 г., не представилось случая совершить геройский подвиг. Но в 1174 г., год спустя после смерти короля, умер Нур ад-Дин, и это событие, которому христиане очень обрадовались, оказалось для них гибельным.

Саладин, сын Айюба, выросший и воспитанный на службе у своего дяди Ширкуха, сочувствовал стремлению Нур ад-Дина. В юности, проведенной в Дамаске, он главным образом предавался изучению наук и принимал участие в общественной жизни и только впоследствии постепенно вошел в роль сурового и воинственного бойца за ислам. Он утвердился в Египте, поборов фатимидскую партию, которая составила против него заговор и, пытаясь его свергнуть, призывала на помощь даже норманнский флот из Сицилии. Затем, когда в Сирии и Месопотамии началась борьба за наследство Нур ад-Дина и он прямо принял в ней сторону сына Нур ад-Дина, тот ответил ему на расположение враждой и тем самым освободил его от всяких обязательств по отношению к себе. Саладин принял титул султана, и тогда наступило опаснейшее из всего, чего когда-либо могла опасаться христианская колония в Палестине: Египет и Сирия соединились под властью одного правителя, притом весьма способного (1176 г.). Это произошло в тот год, когда греческий император Мануил, собиравшийся одним ударом сразить могущество сельджуков в Малой Азии, сам потерпел от них страшное поражение при Мириокефалоне, положившее конец всем упованиям на помощь с этой стороны. Новый иерусалимский король, *Балдуин IV* (1173 г.), был еще несовершеннолетним — регентом являлся граф Раймунд Триволитанский. Христиане не сумели воспользоваться тем благоприятным перерывом, в течение которого Саладин, занятый упрочением своего могущества, не имел возможности нанести решительный удар христианскому королевству. Как жалко и ничтожно по своему политическому значению было это королевство, можно видеть из того, что один из местных могущественных феодалов, Рено Шатийонский, по собственному произволу решил вести войну с Саладином, производя разбойнические набеги на его владения, и тем самым навлек его на королевство Иерусалимское. Но как ни было плохо управление этим королевством, страна все же находилась в состоянии процветания. В перерывы между крестовыми походами и даже несмотря на них, одновременно с ними, процветала торговля, развитию которой способствовало благоприятное положение страны, а также промышленность, установившаяся здесь уже

**Султан
Саладин.**

Динар Саладина 586 года хиджры (1190 г.).

АВЕРС. В центре надпись: «Имам /халиф/ Ахмед». Надпись по внутреннему кругу: «Нет бога, кроме Аллаха» и далее продолжение титула халифа: «Абу л'Аббас эн-Насир ли-Дин, раб Аллаха, повелитель правоверных». Надпись по внешнему кругу: «В имя Аллаха, милостивого, милосердного, чеканен этот динар в эль-Каире /в Каире/ в 586 году». РЕВЕРС. В центре надпись: «Юсуф ибн Айюб». Надпись по внутреннему кругу: «Полновластный султан Салах ад-Дин». Надпись по внешнему кругу: «Мухаммэд — посланник Аллаха; через него послал Он руководство и истинную религию, дабы сделать его владыкою над самой религией. Благословение Аллаха над ним!»

издревле: шелководство, производство стекла, пурпурное окрашивание тканей. Рука об руку со всеми этими выгодными промыслами существовал еще один — рыцарский разбойничий, едва ли не самый прибыльный из всех, и в обществе господствовала ужаснейшая безнравственность и распущенность, от которых не избавлены были и высшие представители духовенства. В довершение бедствия, короли менялись один за другим: Балдуин IV умер в 1184 г., едва достигнув совершеннолетия, а в 1186 г. скончался и его малолетний племянник, Балдуин V, — и это повело к новым усобицам, которых и без того хватало в местном рыцарстве. Королем стал ближайший родственник Балдуина IV, Ги Лузиньян; внешним предлогом к нанесению последнего удара христианам, к которому Саладин уже готовился, послужило разбойничье нападение Рено Шатийонского на караван, в котором находилась сестра самого Саладина. В удовлетворении ему было отказано. Тогда Саладин стянул свои войска, и в июне 1187 г., на запад от Генисаретского озера последовал целый ряд битв. Последняя, при Хаттине, или Хиттине (5 июля 1187 г.), была гибельна для христиан, лишь немногим удалось пробиться и спастись. Остальное войско было уничтожено — пало на месте или взято в плен, и среди пленников находились сам король Ги, гроссмейстер тамплиеров и Рено Шатийонский. Его по обету Саладин заколол своей рукой, а попавших в плен тамплиеров и иоаннитов приказал казнить.

Иерусалим в руках неверных.
1187 г.

После этой битвы борьба в открытом поле была уже невозможна, магометанское войско прошло по всей стране, город за городом, замок за замком сдавались в руки победителей: 19 сентября мусульманское войско собралось под стенами Иерусалима, который защищался слабо и вскоре сдался. 2 октября ворота Иерусалима открылись перед Саладином. Кресты были немедленно сброшены с церквей, колокола разбиты, и все храмы вновь были освящены по мусульманскому обычаю — опрысканы розовой водой и окурены благоуханиями. Христианам удалось отстоять только Тир, Триполи и Антиохию.

Фридрих Барбаросса — защитник Иерусалимской Церкви.

Это печальное событие тотчас положило конец распре между папой и императором. Послы нового папы Климента III явились в марте 1188 г. в Майнц к императору и просили его прийти на помощь порушенной неверными «заморской церкви». Император до прихода послов принял это решение. При том настроении, какое было вызвано поражением христиан, подобное решение было нравственной необходимостью, все взоры разом обратились на него, как на первого между всеми христианскими государствами. И даже если бы он сам не разделял общего всем христианам чувства негодования, вызванного поруганием христианской святыни, то от его проницательного взгляда не могло бы укрыться то, что тут представлялся удобный случай (даже, пожалуй, и необходимость) на деле осуществить идею высшей императорской власти, идею, которая со времен Карла Великого ни в ком не находила такого полного выражения, как в императоре Фридрихе.

Третий крестовый поход (1188–1192) в некотором отношении, по своему общему характеру, отличался от предшествующих. И на этот раз, как и в предшествующем походе, все дело оказалось в руках крупнейших феодалов, и английский и французский короли не устояли против неудержимого стрем-

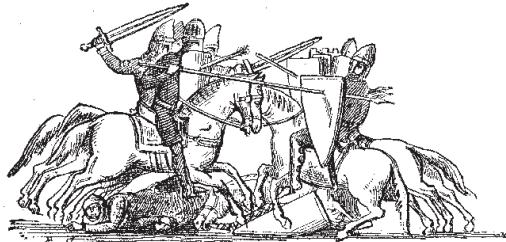
ления своих наций. Но духовный, и особенно монашеский элемент, равно как и народно-плебейский, уклонились от участия в крестовом походе. Участие в этом предприятии было весьма разумно ограничено известного рода цензом, обеспечением путевых расходов суммой в три марки серебра (около 60 р. с.), и уж это, конечно, исключило весь сброд, который был такой тягостной обузой при двух первых походах и так много способствовал их неудаче. И во всем остальном приготовления велись с большей осмотрительностью. Посольства были отправлены и к венгерскому королю, и к греческому императору, и к сельджукскому султану Кылыч-Арслану, который недружелюбно смотрел на возрастание могущества Саладина. К Саладину также были посланы послы, и когда он отклонил предложенный ему ультиматум, ему была объявлена война. Из этого ясно, что о грубой и беспорядочной военной сумятице первого похода тут не было уже и речи, и что самые формы государственных отношений стали более приличными. Нетрудно было организовать управление империей в отсутствие императора: он предоставил свою власть сыну Генриху, возвратившемуся из Италии. Одно только обстоятельство показалось Фридриху опасным: Генрих Лев вернулся из Англии в Германию, но уклонился от предложенного ему участия в походе. Ввиду этого надо было обезопасить себя от всяких с его стороны попыток захвата власти в отсутствие императора, и вот на рейхстаге в Регенсбурге (в апреле 1189 г.) было решено «еще на три года» удалить беспокойного принца из отечества. В конце апреля из Регенсбурга, который был для всех крестоносцев назначен сборным пунктом, масса вооруженных странников двинулась в дальний путь. Двинулось войско, какого прежде не было видано, состоявшее из 100 тысяч рыцарей, хорошо вооруженных, дисциплинированных, разумно предводимых. Путь, избранный ими, был старым путем Готфрида Бульонского. Они поплыли вниз по Дунаю.

Начало похода было весьма благоприятно. В Венгрии король Бела, согласно договору, озабочился заготовкой провианта, и в войске поддерживалась образцовая дисциплина. Гораздо больше трудностей встретилось в исполнении предприятия, когда за Белградом крестоносцы перешли греческую границу. Здесь незадолго перед тем (1185 г.) произошла смена династии: Комнины были свергнуты *Ангелами*, знатной фамилией, владевшей большими землями в Азии. Глава новой династии, *Исаак Ангел*, прославился победой, одержанной им над норманнами, которые, овладев Фессалоникой, уже направлялись к Константинополю. И он, и весь греческий народ были враждебно настроены против «франков», и он предпочел бы союзу с ними союз с Саладином против своего ближайшего врага — сельджукского султана Кылыч-Арслана. Недоброжелательство греков проявилось очень ясно; император Исаак обошелся с послами Фридриха почти как с пленниками и даже не захотел признать его императорского титула; тогда поневоле пришлось отнести к владениям греческого императора как к враждебной стране, и если бы война началась, то, вероятно, было бы несдобровать Византийской империи. Однако в последнюю минуту накануне разрыва Исаак изменил политику, и в 1190 г. войско крестоносцев могло двинуться в дальнейший путь из Адрианополя, где про-

Фридрих
при Кон-
стантино-
поле.

вело зиму. В силу договора, скрепленного заложниками, рыцарское войско было переправлено за Геллеспонт на греческих судах.

Поход в Малой Азии. Кончина Фридриха. Тут началась самая трудная часть похода, которому, по несчастью, незадолго перед тем в стране сельджуков предшествовала перемена правления и, вместе с нею, полное изменение тамошней политики: наследник Кылыч-Арслана вступил в союз с Саладином против наступающих франков. Фридриху пришлось проходить Малую Азию в почти непрерывной борьбе с природными препятствиями, с недостатком в продовольствии и с многочисленным неприятелем, хорошо подготовленным к борьбе. Наконец ему удалось при помоши сына, герцога Швабского, захватить Иконий; затем благополучно удалось одолеть и последнее препятствие — Таврские горы и, наконец, после долгого и трудного похода значительно пострадавшая, но все еще многочисленная армия Фридриха вновь увидела себя на христианской территории, в Киликии, в богатой и плодоносной равнине, близ Селевкии — и тут вдруг армию постигло нежданное бедствие... Император Фридрих утонул в реке Салеф. По сообщениям, он на 70-м году жизни умер от удара во время купания в реке (в июне 1190 г.). Печаль и сокрушение были общими в войске, которое оказалось стадом без пастуха в пустыне и уже начало разбредаться. Однако герцогу Фридриху Швабскому все же удалось довести весьма значительную воинскую силу до Антиохии, где тело императора Фридриха было предано земле в местной церкви святого Петра.

Схватка рыцарей в XII в.
По миниатюре из рукописи «Саксонское зерцало». Гейдельберг.